

Невероятно!

В конце 1942 года он получил еще одну дополнительную служебную нагрузку – заведывание ИЗО отделом Управления по делам искусств Ленгорисполкома.

В ведении Корнилова находились следующие структуры: Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Ленинградское отделение Союза советских художников (ЛОССХ), Ленинградское отделение Союза советских архитекторов (ЛОСА), объединение «Ленгороформление», издательство «Искусство», Ленинградское отделение Всесоюзной Академии художеств и Государственный театральный музей. Возможно, я что-то упустил, но основные перечислил. Причем Эрмитаж и Русский музей были организациями союзного подчинения, но в условиях блокированного города решение многих вопросов, в том числе в сфере культуры, было возложено на ленинградское руководство.

В начале лета 1943 года произошло событие, еще не получившее, на мой взгляд, достаточного освещения в ленинградской блокадной историографии. Ученые – историки, искусствоведы и научные сотрудники Эрмитажа и Русского музея – объединились в единую секцию при Ленинградском Доме ученых имени А.М. Горького. Цель была одна: взаимообогащающее профессиональное общение.

Необходима была атмосфера для обмена научной информацией в кругу единомышленников, продолжавших свою работу независимо от жуткой реальности бытия.

Возглавил секцию Михаил Васильевич Доброклонский (1886 – 1964), исполнявший обязанности директора Эрмитажа. Заместителями стали художник Владислав Матвеевич Измайлович (1872 – 1959) – член Совета ЛДУ и П.Е. Корнилов, в архиве которого сохранились беглые рукописные протоколы заседаний, проходивших два раза в месяц с июня 1943 по 1945 год. Все они на разных листках бумаги, с многочисленными поправками, иногда написанные карандашом, в целом дают уникальное представление о силе духа, широте научных интересов небольшой группы людей, поддерживающих друг друга в стремлении сохранить интеллектуальное достоинство в те страшные годы.

Чтобы показать многообразие проблематики, затрагиваемой на этих встречах, назову лишь несколько тем докладов, состоявшихся в 1943 – 1944 годах:

«Средневековая героика в теме о девяти витязях».

«М.В. Нестеров – национальный русский художник».

«Армянская миниатюра».

«Народное искусство Средней Азии».

«Русская художественная колония в Париже в начале 80-х годов XIX в.».

«Антикварная торговля Д.И. Фонвизина».

«Художник и учитель П.П. Чистяков (к 25-летию со дня смерти)».

27 января 1944 года Ленинград был полностью освобожден от фашистской блокады.

2 июля впервые за годы войны открыл свои двери для посетителей Государственный Русский музей. В нескольких залах, которые удалось спешно отремонтировать, начала работу Вторая выставка художников Ленинградского фронта.

Для художественной жизни Ленинграда 1944 год характерен необыкновенной активизацией выставочной деятельности на самых разных площадках. Экспозиции были разными по масштабу, составу участников, но большинство из них, конечно, объединяла тема войны и блокады.

Как руководитель ИЗОотдела Управления по делам искусств, Корнилов имел к организации выставки самое непосредственное отношение.

Фронт уходил на запад. Жизнь в городе, хотя медленно и тяжело, но налаживалась. Несмотря на трудности, летом 1944 года в Ленинград из эвакуации вернулся в стены Академии Институт живописи, скульптуры и архитектуры, которому 4 августа постановлением СНК СССР было присвоено имя И.Е. Репина.

Надо было готовить помещения к началу занятий в новом учебном году. Студенты, преподаватели, служащие с полной отдачей включились в эту тяжелую работу.

Без малого за 25 лет Корниловым был накоплен огромный опыт в сфере научной и практической музейной деятельности. И он с радостью принял предложение руководства факультета теории и истории искусства о чтении курса лекций по истории русской графики. Вряд ли кто другой в Ленинграде обладал такими знаниями в этой области. Петр Евгеньевич всегда ценил живое общение, диалог, всегда готов был делиться любой имеющейся у него информацией.

2 мая пал Берлин. В 6 часов 30 минут генерал Вейдлинг, командующий обороной столицы Рейха, объявил о капитуляции его гарнизона. А 9 мая в Карлсхорсте – восточном пригороде Берлина в 0 часов 43 минуты состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии.

Радость была безмерной, особенно на фронтах. Вместе со страной праздновал этот великий день и Ленинград. А 1 марта 1946 года Петр Евгеньевич отмечал очень важную в своей жизни дату – двадцать пять лет с начала его научно-музейной деятельности. Этому событию был посвящен памятный вечер. В адрес ученого было сказано много добрых слов. Зачитаны поздравительные письма и телеграммы. И в их числе прозвучал сонет-акrostих, написанный В.В. Воиновым еще в Алма-Ате в сентябре 1943 года.

Петру Евгеньевичу Корнилову

СОNET-АКРОСТИХ

*Передо мной стоит твой облик благородный,
Его не заслонят превратности судьбы,
Ты – символ для меня упорнейшей борьбы,
Решимости и доблести свободной...
Умеешь жертвовать ты самым дорогим,
Когда твой долг зовет тебя к работе;
Отдать готов и отдаешь с охотой
Родной стране себя всегда неколебим.
Нежнейших чувств своих при этом не теряешь,
Искусству преданный ему не изменяешь,
Любви к семье и к людям верен ты.
Огонь палбы видал, и устал до упада,
Видал и смерть друзей, страдания Ленинграда –
Увидишь ты еще и счастья цветы!*

В 1947 году вышла в свет работа Корнилова «Арзамасская школа живописи первой половины XIX века».

которая получила много письменных отзывов, в том числе от И.Э. Грабаря, А.А. Сидорова, М.В. Доброклонского, С.В. Бессонова, Н.А. Кожина, В.К. Лукомского.

Наверное, ко второй половине сороковых годов можно отнести начало еще одного этапа в жизни и деятельности ученого – это профессиональные контакты с рядом областных художественных музеев Российской Федерации. Причем, это касалось как музеев, имевших давнюю историю и традиции, так и вновь формируемых государственных коллекций

Причины внимания, которое Корнилов оказывал тому или иному музею, были совершенно различны. В Симбирске он родился. Кроме того, этот город для него всегда был родиной В. Ленина, а ленинская тема занимала особое место в его собирательстве. Казань была колыбелью и первой школой научной и музейной работы. Становление Вологодской картинной галереи связано с именем его ученика – Семена Георгиевича Ивенского, который возглавил ее в 1953 году. А Радищевскому музею он помог в подборе материала о саратовских художниках, проживавших и работавших в Ленинграде – А.Е. Кареве, А.И. Савинове, Н.А. Павлове, Д.Е. Загоскине, К.А. Клементьевой и других.

О создании нового музея в Барнауле Петр Евгеньевич узнал из публикации в газете «Правда» 15 февраля 1959 года и уже через два дня отправил туда письмо, где говорилось: *«...Судовольствием узнал об открытии Вашего музея. В Гражданскую войну проходил через Ваш город. Он стал, наверное, теперь иным через десятилетия.*

Желаю успехов в Вашем интересном и нужном деле. Постараюсь чем-нибудь быть полезным Вашему молодому музею.

*С приветом и добрыми пожеланиями
П. Корнилов».*

В эти же годы в семье Корниловых произошли радостные знаменательные события. В июле 1951 года Игорь успешно защитил диплом на архитектурном факультете и вскоре женился на своей однокурснице Анне Князьковой, а 28 мая 1952 года у них родилась дочка – Наташа – внучка Петра Евгеньевича, к которой он относился с нежной любовью, заботой, вниманием и гордился ее успехами.

В 1954 году по просьбе Академии художеств СССР Министерство культуры СССР перевело Петра Евгеньевича из Русского музея в Научно-исследовательский музей Академии художеств в качестве заместителя директора по научной работе.

Некоторыми итогами этой работы были: продвижение вопроса о восстановлении «Пенат» И.Е. Репина, забытых до этого на целое десятилетие, и осуществление большой выставки художественных произведений русских художников XVIII-XX вв. из частных собраний.

12 мая 1956 года по персональному приглашению Всесоюзного комитета по проведению 100-летнего юбилея Государственной Третьяковской галереи Корнилов принял участие в торжественном заседании, которое состоялось в Академическом Большом театре Союза ССР. Этим подтверждался его большой вклад в развитие музейного дела страны, его опыт изучения и пропаганды графического искусства и его роль в советском искусствознании.

А через две недели в широком кругу друзей и коллег в выставочном зале Ленинградского Союза художников Петр Евгеньевич отмечал 60-летие со дня рождения и 35 лет научной и музейной работы. Было получено около трехсот телеграмм, писем и приветствий из Ленинграда, Москвы, других городов СССР и из-за рубежа.

Поздравляли почти все крупнейшие художественные музеи Российской Федерации и союзных республик, городские и республиканские организации Союза советских художников, литературные музеи, высшие художественные учебные заведения страны, их отдельные кафедры и факультеты, издательства и редакции журналов, научные архивы и библиотеки. Конечно же, откликнулись соратники по Казанскому музею. Корнилова персонально поздравили многие выдающиеся художники. Среди них – И.Э. Грабарь, В.И. Шухаев, К.Ф. Юон, П.Д. Корин, Е.А. Кибрик, И.Т. Богдеско, А.Д. Гончаров, Б.И. Пророков и другие. Коллеги – ученые историки и искусствоведы – М.В. Алпатов, А.А. Сидоров, П.И. Нерадовский, М.В. Доброклонский. Перечислить всех трудно.

Воздать должное пришли друзья-ленинградцы, вместе с которыми были пережиты страшные годы ленинградской блокады. Собрались ученики.

Это был очень теплый, добрый, искренний вечер.

Наташа, которой было уже четыре года, с бабушкой Лелей – Еленой Григорьевной, жили на даче в Солнечном, но они выбрались в город и пришли на праздник. Петр Евгеньевич был растроган таким подарком.

Еще в конце 1955 года ученый вынужден был расстаться с Научно-исследовательским музеем Академии художеств.

Создать живую, динамичную атмосферу общения с художниками, которая сопровождала его деятельность в Казани, в кабинете графики, в Русском музее по не зависящим от него причинам не получилось, а замкнуться в музейных запасах наедине с классическим материалом, с оттисками и увражами, несмотря на трепетное к ним отношение, ему было недостаточно.

И так сложилось, что на несколько лет основным местом службы для Корнилова стала кафедра русского и советского искусства на факультете теории и истории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

Подчеркиваю – именно местом службы, но не деятельности. В кратких отчетах о работе за 1955 и 1956 гг. перечислено большое количество докладов и выступлений в Союзе художников, на ученых и художественных советах различных музеев, библиотек и архивов Ленинграда и других городов страны, опубликованные статьи, труды, находящиеся в стадии рукописей, а также творческие и научные контакты. В последнем разделе очень важное место занимает искусство Болгарии.

Поездка по приглашению Министерства культуры Народной Республики Болгарии в ноябре – декабре 1955 года стала ярким, незабываемым впечатлением для ученого и определила новую сферу его интересов на последующий период. Это был его первый выезд за границу. И то, что он носил официальный характер, обеспечило Корнилову очень подробное, внимательное ознакомление с историей, культурой,

искусством и художественным образованием близкой по духу славянской страны.

А в феврале 1957 года деятели советского изобразительного искусства собрались в Москве на свой Первый Всесоюзный съезд. От Ленинградской организации Корнилов был избран на него делегатом с правом решающего голоса. В этом было полное признание заслуг искусствоведа в среде художников. Его выступления, статьи, организованные им выставки стали неотъемлемой частью жизни не только Ленинградского союза.

В 1959 году ученый получил от ректората Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной неожиданное предложение – принять участие в конкурсе на замещение вакантной должности заведующего кафедрой истории искусств. Он дал согласие, был избран и утвержден министерством.

Так, для Петра Евгеньевича Корнилова был подведен рубеж шестого десятилетия XX века и начат новый этап в его многогранной активной деятельности.

И здесь от него потребовалось соединение его опыта как ученого-искусствоведа и организатора образовательных процессов со спецификой преподавания в новом высшем учебном заведении. Надо было вводить специальные курсы истории декоративно-прикладного искусства с привлечением молодых педагогов. Для расширения кругозора студентов и наглядного показа многообразия художественных явлений Корнилов приступил к показу большой серии экспозиций различной тематики из своего собрания и фондов научной библиотеки института. Только в период с 1960 по 1968 годы им было осуществлено более семидесяти выставок.

Они были посвящены памятным датам в истории России и Советского государства, истории русской культуры, архитектуры и народных ремесел, творчеству художников, с которыми Петра Евгеньевича связывали тесные дружеские отношения, классикам европейского графического искусства XIX – XX веков, современной графике Болгарии, Китая, Польши, памятным литературным датам и иконографии деятелей искусства.

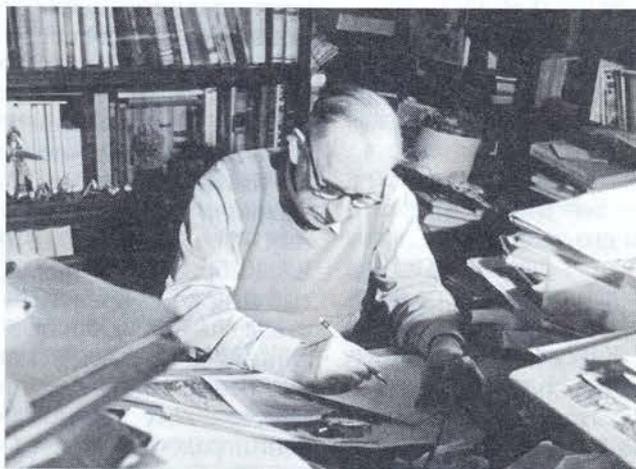
В персональном отчете о работе в 1960 году в записях ученого в разделе «Личные научно-творческие связи впервые встречается фамилия Л. Больц. В Советском Союзе все друзья и знакомые – а было их очень много – называли его Лотар Рудольфович.

К моменту его знакомства с Петром Евгеньевичем Больц занимал посты заместителя председателя правительства и министра иностранных дел Германской Демократической Республики.

Они подружились. Доктор Лотар Больц был страстным коллекционером. Причем одним из приоритетных направлений его собирательских интересов была русская графика. Часто бывая в Советском

Союзе, он старался пополнить свое собрание, но иногда нуждался в профессиональных консультациях, и, конечно, не встретиться с таким авторитетом в области российского графического искусства, каким являлся Корнилов, он не мог. Петр Евгеньевич охотно знакомил Больца со своими коллегами и друзьями-художниками, помогал атрибутировать неизвестные произведения, обменивался оттисками и рисунками.

В 1962 году вся семья Петра Евгеньевича, оставив служебную жилплощадь в Русском музее, с которой в течение тридцати лет было связано так много светлых и трагических переживаний, переехала в новую трехкомнатную квартиру на улице Типанова. Это стало событием, хотя условия были очень скромными. Семья состояла из шести человек: сам Петр Евгеньевич, его жена – Елена Григорьевна, сестра – Надежда Евгеньевна, сын – Игорь, его жена – Анна и Наташа. Уникальная библиотека, архив, произведения

П.Е. Корнилов за рабочим столом. 1961 г.

живописи, графики и малой скульптурной пластики размещались здесь же по стеллажам и шкафам.

В доме царил тихая и в то же время напряженная атмосфера творческого труда, которую он любил и ценил не меньше своей научной работы. Это была его жизнь, его семья, его прошлое и будущее.

Наташа с детства впитывала эту рафинированную, даже перенасыщенную искусством, атмосферу.

Она очень много рисует. Рисует с раннего возраста акварелью, карандашами, тушью, а позднее даже стала резать гравюры. Игорь аккуратно приводит в порядок каждый лист, наклеивает на плотную бумагу и бережно складывает в папки, подписывая год.

А теперь я перехожу к описанию ситуации, которая глубоко волновала ученого, занимала его помыслы в течение двадцати лет, и логическое завершение которой он считал делом своей чести и торжества справедливости. Причем, несмотря на большое количество времени и сил, связанных с решением этой проблемы, Петр Евгеньевич не выпускал из внимания и других организационных и нравственных вопросов, положительных ответов на которые он старался добиваться. Подтверждение этому мы находим в документах. Связана эта ситуация с длительными и непростыми хлопотами по перезахоронению праха его ближайшего друга – Павла Александровича Шиллинговского.

Думаю, что сохранилась не вся переписка Петра Евгеньевича с различными инстанциями, но приводимые далее тексты характеризуют не только твердую, настойчивую, высоконравственную позицию ученого, но и отношение к проблеме советской бюрократической системы. Свидетельство тому – официальный ответ, полученный Корниловым из Управления культуры Ленгоссовета:

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФОНДА РСФСР

Копия: Тов. КОРНИЛОВУ П.Е.
Ленинград, М-142, ул. Типанова, 5, кв.90/

Инспекция по охране исторических памятников Управления культуры сообщает, что могила художника П.А. Шиллинговского /1881 – 1942/ под государственной охраной не состоит.

Приведение ее в порядок должен взять на себя Худфонд.

Многие творческие союзы, общества, учреждения и т.п. благоустраивают могилы и устанавливают памятники своим деятелям за счет своих средств. Так, например, Союзом архитекторов был установлен памятник на могиле Л.Н. Бенуа, Союзом писателей были благоустроены могилы и установлены памятники К. Фофанову, Л. Андрееву и т.д.

По нашему мнению, приведение в порядок могилы П.А. Шиллинговского является делом чести самих художников.

ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
/Л. Карпекина/»

В помощь подключается Екатерина Васильевна Гришина – искусствовед, директор научно-исследовательского музея Академии художеств СССР, автор монографий и многочисленных статей, посвященных Шиллинговскому, историк его графической школы.

7 сентября 1977 года на имя начальника Главного управления культуры Ленгорисполкома т. Б.М. Скворцова было написано письмо с просьбой о приведении в порядок могилы П.А. Шиллинговского.

Через четыре года предстояло 100-летие мастера, и речь шла уже не просто о благоустройстве могилы, но о ее идентификации. В письме есть такая фраза:

«...Местонахождение могилы устанавливается благодаря свидетельству профессора ЛВХПУ им. В.И. Мухомовой П.Е. Корнилова, присутствовавшего на похоронах».

И снова безрезультатно.

Тогда, опять по инициативе Е.В. Гришиной «в бой включается тяжелая артиллерия» – Президиум Академии художеств СССР и в частности ее вице-президент, народный художник СССР – Федор Павлович Решетников – автор знаменитой картины «Опять

двойка». Именно он ведет переписку с Главным управлением культуры Ленинграда и 28 октября 1980 года получает ответ:

«Перезахоронение праха профессора П.А. Шиллинговского, скончавшегося в Блокадном Ленинграде в братскую могилу профессоров Академии Художеств, находящуюся на острове Декабристов, будет произведено после выхода распоряжения Исполкома Ленсовета. В настоящее время проект распоряжения проходит согласование»

Но, даже зная о шагах, принятых Е.В. Гришиной и Президиумом Академии художеств, Петр Евгеньевич настойчиво продолжает добиваться справедливости.

Он обращается персонально к вице-президенту Академии художеств СССР – В.С. Кеменову. Корнилов уже не раз писал ему в 1954 году, когда Кеменов занимал пост заместителя министра культуры СССР, и встретил его понимание и поддержку по вопросу восстановления Репинских «Пенат». И вот, спустя двадцать с небольшим лет, ученый ставит его в известность не только о состоянии, в котором находится могила Шиллинговского, но и о приведении в порядок места захоронения М.А. Врубеля, а также об увековечении памяти ряда других выдающихся русских художников.

В декабре 1980 года, когда состоялось перезахоронение праха П.А. Шиллинговского, Петру Евгеньевичу шел уже 85-й год. Из дому он не выходил, но был в курсе происходящих вокруг событий, вел активную переписку, консультировал аспирантов и принимал у себя музейных сотрудников со всего Советского Союза.

Правнуку Мите было уже три года и, конечно, с ним связывались надежды на продолжение творческих семейных традиций.

Как-то, когда Мите было лет пять или шесть, мы стояли на набережной Невы у сфинксов перед зданием Академии художеств и, быть может, с чрезмерной назидательностью говорили ему: «Здесь мы учились, здесь учились оба твоих деда и бабушка, а твой прадед в этом здании преподавал».

Митя сделался очень серьезным и произнес: «Я тоже буду здесь учиться и преподавать!».

Но сложилось все иначе. Незадолго до окончания школы и его и наш выбор пал на кафедру информа-

П.А. Шиллинговский

Надгробный памятник профессорам Академии художеств, погибшим в годы блокады

ционного дизайна Художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной, которой руководила Виктория Александровна Сурина. Светлая ей память и бесконечная наша благодарность. Она и педагоги кафедры заложили у Мити основы современного дизайнерского мышления, которые разрабатывал еще в 60-х годах его дед Игорь Петрович.

Так, в творческом опыте представителей разных поколений одной семьи соединились традиции художественного воспитания двух различных петербургских школ – академической и прикладной, которые многими, к сожалению, воспринимаются как несовместимые.

Несмотря на большую занятость в Художественно-промышленном училище, Петр Евгеньевич не порывал контактов ни с Институтом им. И.Е. Репина, ни с Академией художеств СССР, где он состоял членом научно-методического совета по художественному образованию.

Институт ежегодно привлекал его к рецензированию дипломных работ выпускников двух факультетов – графического и теории и истории искусств, на котором всегда кто-то из студентов выходил на защиту с темой, связанной с историей графики.

Неформальный, дружеский, а потому творчески плодотворный и эмоциональный характер носили взаимоотношения Петра Евгеньевича с секцией графики Ленинградского отделения Союза художников.

Его внимание к памяти ушедших из жизни художников находило искренний отклик со стороны руководства секции, и организация камерных экспозиций и вечеров воспоминаний стали доброй традицией. В этом начинании Корнилову помогали его давние друзья – Л.С. Хижинский, Г.Д. Епифанов, А.В. Каплун и другие. Надо ли говорить, что едва ли не на каждом мероприятии Корнилов был основным докладчиком. Так, в узком коллегиальном кругу почтили память Е.С. Кругликовой, Н.В. Алексева, Ю.Н. Великанова, В.Д. Замирайло и С.Б. Юдовина. Инициатива ученого была отмечена благодарностью со стороны бюро секции, а ее председатель – Владимир Александрович Ветрогонский, которого Петр Евгеньевич знал еще студентом, в личном поздравлении к юбилею написал: «...Беру пример с Вашей доброты к людям и требовательности к любимому делу».

Год 1966-й был для ученого знаменательным. Он отмечал сразу две даты – 70 лет со дня рождения и 45 лет научной и творческой деятельности. И хотя к этому времени он уже семь лет возглавлял кафедру в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной, церемония чествования проходила в большом выставочном зале ЛО Союза художников РСФСР. Вел торжественное собрание Михаил Константинович Аникушин.

А двумя месяцами ранее Аникушин в числе ряда других выдающихся представителей советской науки и культуры подписал письмо председателю Выс-

шей аттестационной комиссии, члену-корреспонденту Академии наук СССР тов. В.П. Елютину, в котором говорилось: «Заслуги П.Е. Корнилова, как одного из крупнейших советских искусствоведов, вполне очевидны и бесспорны, поэтому мы считаем необходимым просить Вас ходатайствовать перед соответствующими организациями о присвоении П.Е. Корнилову звания заслуженного деятеля искусств, вместе с тем ускорить разрешение вопроса о предоставлении П.Е. Корнилову звания профессора по специальности искусствоведения. Соответствующие документы и представление на звание профессора Ленинградского Высшего художественно-промышленного училища посланы в ВАК в конце 1965 года».

В конце шестидесятых годов ученый составил для себя план поэтапного окончания ряда фундаментальных научных трудов, истоки которых уходили в прошлые десятилетия. Вот он:

«ПЛАН

1969 г. – Завершение работы – «ГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕНИНИАНА 1917 – 1969. 10 авт.л.

1970 г. – Завершение работы – «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАЗАНСКОГО КРАЯ XVI – XX вв. и роль в ней деятелей. 8 авт.л.

1971 г. Завершение работы – ДОПОЛНЕНИЯ к книге «АРЗАМАССКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ тт. XIX в. 4 авт.л.

1972 г. – Завершение работы «ГРАВЮРА НА ДЕРЕВЕ XVI-XX вв. в России». Краткий исторический очерк. 6 авт.л.

1973 г. – ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУКОПИСЕЙ».

Мы видим, что каждый пункт начинается словом «завершение», а последняя строка: «окончательное оформление рукописей» распечатана заглавными буквами.

Этот маленький листок говорит не просто о завершении конкретных искусствоведческих исследований, но о подведении жизненных итогов, хотя Корнилову предстояло еще целых двенадцать лет сознательной, активной, интеллектуальной деятельности.

Работа над «Казанским словарем» в 1970 году совпала с одним из важных событий в жизни Советского государства – 100-летней годовщиной со дня рождения В.И. Ленина. Дата 22 апреля отмечалась всегда. Каждое десятилетие значимость этого дня многократно повышалась. Что касалось векового Ленинского юбилея, то здесь размах торжеств намечался особенный.

Главными событиями художественной жизни Ленинграда стали выставка произведений ленинградских художников «Ленину посвящается» в Государственном Русском музее и выставка «В.И. Ленин в произведениях советских графиков», открывшаяся в залах Научно-исследовательского музея Академии

Б.С. Угаров, И.А. Бартнев и В.А. Ветрогонский у П.Е. Корнилова в день его 85-летия. 1981 г.

художеств СССР. Более половины работ, составивших эту экспозицию, были из собрания Петра Евгеньевича Корнилова. Кроме того, ученый помогал в формировании юбилейных выставок многим музеям и галереям страны.

Делал он это с подлинным энтузиазмом, искренне веря в высокую эмоциональную значимость собранного материала, что совпадало с пожеланием старейшего члена партии – Елены Дмитриевны Стасовой (1873 – 1966), которая написала ему: *«Должна сказать, что я с чувством большой признательности и уважения отношусь ко всему тому, что Вам удалось сделать по составлению этой оригинальной коллекции, и считаю, что она должна быть широко показана советским людям».*

Друзей-сверстников становилось у Корнилова все меньше. Сил тоже не прибавлялось, а работать по инерции, равнодушно, расходуя накопленный жизненный опыт и материал, он позволить себе не мог.

Поэтому в 1974 году, за два года до собственного восьмидесятилетия, Петр Евгеньевич Корнилов принял решение выйти на пенсию. В приказе по училищу, подписанном ректором Я.Н. Лукиным, коллектив с уважением и искренней теплотой приветствовал ученого и с благодарностью попрощался с ним.

Для Корнилова же прощание с институтом, с кафедрой ни в коем случае не означало расставания с наукой, с консультативной и общественной деятельностью. Это был взвешенный, рациональный поступок, связанный с верной расстановкой акцентов, соответствующей его духовным возможностям. И если вспомнить, что начало своей музейной работы он вел от 1 марта 1921 года, то получается, что впервые за 53 года Петр Евгеньевич позволил себе освободиться от обязанностей службы, которые, впрочем, почти никогда не являлись ограничением для его научной деятельности, но, наоборот – часто давали импульс для новых исследований.

Его беспримерный поиск путей по достижению торжества справедливости дал основания Дмитрию Сергеевичу Лихачеву (1900 – 1999), человеку, кото-

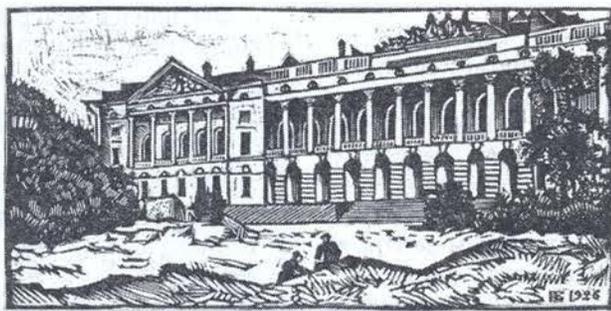
рый олицетворял собой духовную совесть России, написать Корнилову такие слова: *«Вас, замечательного искусствоведа и глубокой душевной красоты человека, Вас, участника движения мира искусства его второго поколения, Вас, друга многих, многих крупнейших русских художников, Вас, активного борца за сохранение памятников культуры, защитника Ленинграда, спасителя памятников архитектуры в нашей стране, Вас, отличного педагога и глубокого воспитателя лучших традиций старой русской интеллигенции, глубоко русского и глубоко европейского человека – поздравляю с любовью и благодарностью и уверенностью в том, что Вы счастливы всем свершенным в вашей жизни – Вера, Людмила и Дмитрий Лихачевы».*

Такую поздравительную телеграмму Лихачев отправил по случаю 85-летия Петра Евгеньевича.

В этот день двери его квартиры практически не закрывались. Приходили ученики разных возрастов, приходили музейщики и сотрудники научных библиотек, коллеги, которые были значительно его моложе, потому как своих близких друзей-современников он давно проводил в последний путь. Выразить признательность и почтение приехали руководители Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина: ректор – Борис Сергеевич Угаров – академик и народный художник СССР, проректор по научной работе, давний коллега Петра Евгеньевича по факультету теории и истории искусств, профессор Игорь Александрович Бартенев, декан графического факультета, член-корреспондент Академии художеств, профессор Владимир Александрович Ветрогонский. В руках Игоря Петровича Корнилова оказался фотоаппарат. Так и запечатлел он их всех четверых, сидящих на небольшом диване.

Петр Евгеньевич ушел из жизни 10 октября 1981 года.

В статье использованы материалы из книги Андрея Харшака «П.Е. Корнилов. Личность, время, события». Издательство «ЦЕНТРПОЛИГРАФ. Русская тройка», Москва-Санкт-Петербург, 2016 г.

В.В. Воинов. «Русский музей. Садовый фасад». 1926 г.